

ПРОЗВИЩА У ГРЕКОВ АРХАИЧЕСКОЙ И КЛАССИЧЕСКОЙ ЭПОХ. III. ПРОЗВИЩА ПОЛИТИКОВ: АРХАИКА И РАННЯЯ КЛАССИКА

И.Е. Суриков

*Институт всеобщей истории РАН, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
isurikov@mail.ru*

Аннотация. В статье после ряда общих замечаний о типологии прозвищ рассматриваются вначале зафиксированные в источниках прозвища правителей (в основном тиранов) периода, о котором идет речь; выясняется, что соответствующий материал достаточно скуден. Далее происходит переход к прозвищам государственных деятелей республиканских полисов; естественно, таковых всего больше обнаруживается для Афин. О прозвищах афинских политиков есть, конечно, сведения из нарративных источников, но воистину сокровищницей в данном отношении оказываются остраконы для остракизма. Этот материал действительно нуждается в самом пристальном изучении.

Ключевые слова: архаическая и классическая Греция, прозвища, типы прозвищ, Афины, политики, тираны, остраконы, остракизм

В данной статье, третьей из цикла, подготавливаемого в рамках поддержанного РГНФ (ныне слит с РФФИ) исследовательского проекта «Неофициальные имена и прозвища государственных деятелей древнего мира как культурно-исторический и политический феномен» (руководитель – О.Л. Габелко), мы, естественно, будем опираться на выкладки, сделанные в двух предыдущих¹. В частности, там мы отмечали, что прозвища могут иметь характер: а) нейтральный, всего лишь идентифицирующий индивида; б) позитивный, возвышающий; в) негативный, уничижительный. Последние два типа, в отличие от первого, отличаются, как видим, эмоциональной окрашенностью.

Есть также и другой способ классификации прозвищ – деление их на а) устойчивые, то есть сопровождающие персонажа с какого-то момента и вплоть до кончины, и б) ситуативные, то есть употребляемые по отношению к нему в каких-то конкретных обстоятельствах или даже употребленных единожды (таковые мы в дальнейшем, кажется, встретим, когда обратимся к остраконам V в. до н.э.). Теперь мы, пожалуй, наряду с этими двумя категориями выделили бы и еще одну,

Суриков Игорь Евгеньевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор ОСКИ РГГУ.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ/РГНФ (грант 16-01-00297).

¹ Суриков 2017а; 2017б.

третью – в) прозвища вторичные. Под ними имеем в виду такие, которые давались индивидам «задним числом», то есть не при жизни, а посмертно. Вот характернейший пример: великого Аристотеля в поздней античности и в византийское время весьма часто называли Стагиритом (ὁ Σταγειρίτης или ὁ Σταγίριτης), однако не похоже, что это прозвище – изобретение современников, в классическую эпоху оно не фиксируется и явно возникло только позже, в связи с тем, что Аристотелей было в Элладе много (имя достаточно распространенное), а вот прославившийся на весь античный мир Аристотель Стагирский был только один.

Впрочем, о философе мы упомянули лишь ради пояснения одного из наших тезисов, а в целом далее речь пойдет уже не о философах и вообще не о деятелях культуры, а о политиках.

Правители полисов. Как известно, в древнегреческих государствах различали (это делает уже вышеупомянутый Аристотель в «Политике») два типа единоличных правителей². Имеем в виду узурпаторов-тиранов и легитимных царей (басилеев, в Спарте – архагетов).

Начнем с тиранов, а конкретно – с такой действительно видной фигуры, как Кипсел Коринфский (основоположник династии Кипселидов и, можно сказать, чуть ли не первый тиран во всей Балканской Греции – аргосский правитель Фидон, правда, относится к несколько более раннему времени³), это фигура особого статуса – не узурпатор, а легитимный царь из династии Теменидов, совершивший в своем полисе переворот с целью усиления собственной личной власти; что же касается сикионских Орфагоридов, то истоки этой тирании «тонут во мгле», и совершенно не факт, что она возникла раньше коринфской.

Сразу бросается в глаза «говорящее» имя Кипсела (Κύψελος): оно явно производно от κυψέλη «ящик, сундук, ларец». Могли ли ребенка при рождении назвать подобным образом? Из некоторых сообщений источников создается однозначное впечатление, что «Кипсел» – это в какой-то степени прозвище⁴.

Так, согласно Геродоту (Herod. V. 92), будущего тирана, когда он был еще младенцем, хотели убить Бакхиады. Однако его мать Лабда «взяла его и спрятала, как ей казалось, в самом потаенном месте, именно в сундуке (ἐς κυψήλην) <...> А сын Этиона [Этионом звали отца Кипсела – И.С.] после этого стал подрастать, и так как остался в живых благодаря сундуку, то получил от сундука имя Кипсел (καὶ οἱ διαφυγόντι τοῦτον τὸν κίνδυνον ἀπὸ τῆς κυψέλης ἐπωνυμίην Κύψελος οὐνομα ἔτεθη)». Существительное ἐπωνυμία вполне могло означать «прозвище».

Тот самый ларец, в который положили ребенка Кипсела, будто бы видел в Олимпии периегет Павсаний еще во II в. н.э. и даже дал его описание: «...ларец (Λάρναξ) сделан из кедра; на нем изображения сделаны из слоновой кости, золота, а некоторые из того же кедра. В этот ларец мать положила Кипсела, будущего коринфского тирана, когда Бакхиды [Sic! Правильнее «Бакхиады» – И.С.] старались найти его после его рождения. В память спасения Кипсела его потомки, так

² Ср. Суриков 2015а, 98 слл.; Суриков 2016, 34 слл.

³ Хотя все-таки не думаем, что его следует датировать VIII в. до н.э., как сделано в книге: Kōiv 2003.

⁴ Отметим, что недавно появилась очень полезная, репрезентативная подборка источниковых текстов о ранней тирании: Жестоканов 2014.

называемые Кипселиды, посвятили этот ларчик в Олимпию, а ларцы коринфяне называли тогда кипселями; от этого, говорят, и мальчику дали имя Кипсела (τὰς δὲ λάρνακας οἱ τότε ἐκάλουν Κορίνθιοι κυψέλας· ἀπὸ τούτου δὲ καὶ ὄνομα Κύψελον τῷ παιδί θέσθαι λέγουσι). Надписи над изображениями на ларце по большей части сделаны древними письменами: одни из них идут прямыми строчками, другой же вид надписей эллины называют бустрофедон...» (Paus. V. 17. 5–6).

Упоминание о бустрофедоне, вообще говоря, необыкновенно важно: оно показывает, что памятник, о котором говорит Павсаний, действительно является весьма древним. Именно бустрофедоном делались самые ранние греческие надписи (VIII – первая половина VII в. до н.э.), как убедительно показал Б. Пауэлл в своей великолепной монографии о происхождении алфавита⁵. В классическую эпоху греки так уже не писали. И, заметим кстати, ларец Кипсела, как его описал Павсаний, является настолько интересным артефактом, что постоянно привлекает к себе внимание исследователей⁶, желание как-то реконструировать изображения на нем (этим изображениям Павсаний, этот любитель всего архаического, посвящает довольно обширный пассаж: Paus. V. 17. 7 – XIX. 10).

Как бы то ни было, нельзя не поставить вопрос: если Кипсел – это прозвище, то каково же было «исконное» имя основателя коринфской тирании? Ведь должны же его были как-то назвать при рождении, не мог мальчик жить безымянным до того момента, когда его спрятали в ларце или сундуке. Однако, увы, этого «прирожденного» имени Кипсела источники не указывают.

Перейдем к другим древнегреческим тиранам (и членам их семей). Следует отметить, что имеющийся в нашем распоряжении материал крайне небогат. Можно указать, в частности, на следующее свидетельство из «Афинской политики» Аристотеля о сыновьях афинского тирана Писистрата⁷: «Было их двое от его законной жены – Гиппий и Гиппарх – и двое от аргивянки – Иофонт и Гегесистрат, по прозвищу Фессал (Ἡγησίστρατος, ὃ παρωνύμιον ἦν Θέτταλος)» (Arist. Ath. pol. 17. 3).

Здесь есть о чем поговорить. Прежде всего, нас не должно смущать написание Θέτταλος и его перевод как «Фессал». Как известно, в аттическом диалекте имеет место фонетический переход ττ < σσ. Соответственно, фессалийцы для афинян были «фетталийцами». Более серьезной проблемой является иная: хотя традиционно в комментариях пишут, что прозвище «Фессал» указывает на связи Писистратидов с Фессалией, в действительности «фессалиец» по-древнегречески пишется иначе (Θεσσαλός, на аттическом диалекте Θετταλός), с ударением не на первом, а на последнем слоге. Заметим, кстати, что одного из сыновей виднейшего афинского политика и полководца Кимона (V в. до н.э.) звали тоже Фессалом; вероятно, отец дал ему такое имя, дабы указать на свое дружественное отношение к Фессалии (равно как другого сына он назвал Лакедемонием, чтобы

⁵ Powell 1991. Среди работ о ранней греческой письменности эта работа по уровню концептуального анализа, на наш взгляд, не имеет себе равных, а вот с точки зрения полноты и репрезентативности приведенного материала и по сей день остается важнейшим фундаментальным трудом: Jeffery 1963.

⁶ О нем, в частности, относительно недавно писал такой выдающийся специалист, как Э. Снодграсс: Snodgrass 2001.

⁷ О тирании Писистрата и Писистратидов см. работу: Lavelle 2005.

продемонстрировать свое лаконофильство⁸). Между прочим, Фессал, сын Кимона, у Плутарха повсюду (Plut. Cim. 16; Pericl. 29; Alc. 22) фигурирует как Θεσσαλός, то есть именно как «фессалиец»⁹.

Но вернемся к Фессалу, сыну Писистрата. Что же здесь перед нами – имя или прозвище? В «Афинской политии» Аристотеля, как мы видели, «Фессал» – прозвище, а личное имя данного персонажа – Гегесистрат. А как у других ранних авторов? У Геродота (Herod. V. 94) он упомянут только как Гегесистрат (без прозвища), причем указано, что Писистрат поставил его вассальным тираном Сигея (видимо, подражая коринфским Кипселидам, которые назначали главами колоний Коринфа членов своей семьи). С другой стороны, Фукидид (Thuc. I. 20. 2; VI. 55. 1) говорит лишь о Фессале, а никакого Гегесистрата он не знает.

Но все-таки трудно представить, чтобы автор «Афинской политии»¹⁰ вымыслил «с нуля» данную подробность – о том, что «Фессал» является прозвищем. Он должен был откуда-то взять эту информацию, и, полагаем, почерпнул ее из какого-нибудь труда, написанного в аттидографическом жанре (как прекрасно известно, данные «Аттид» в «Афинской политии» привлекаются самым активным образом¹¹).

В любом случае вопрос остается неясным (как говорится, non liquet), и однозначных, непротиворечивых доказательств в пользу того, что один из сыновей тирана Писистрата (и притом сам тиран, пусть и подчиненный) имел, наряду с именем, также и прозвище, все-таки, на наш взгляд, нет. Стало быть, бесполезно и рассуждать, к какой категории это прозвище (если оно было) относилось.

Но, по крайней мере, применительно к одному тирану (Аристодему, сыну Аристократа) можно совершенно однозначно сказать, что прозвище у него было. Он, правда, правил не в Элладе как таковой, а в колониальном мире, в италийских Кумах (Киме) на рубеже VI–V вв. до н.э.¹² В источниках он фигурирует с устойчивым эпитетом Μαλακός.

Приведем несколько свидетельств, пока опираясь на те переводы, которые даны в подборке С.М. Жестоканова. Dion. Hal. Ant. Rom. V. 36. 2: «...Побежденный куманцами, которыми командовал Аристодем по прозвищу “Кроткий” (Ἀριστόδημος ὁ Μαλακὸς ἐπικαλούμενος), он [Аррунт, сын этрусского царя Порсены, – И.С.] погибает». Ibid. VI. 21. 3: «Царь же Тарквиний [Гордый – И.С.] <...> отправился в Кумы в Кампании к Аристодему, прозванному “Кротким” (πρὸς Ἀριστόδημον τὸν ἐπικληθέντα Μαλακόν), который тогда был тираном в Кумах». Ibid. VII. 2. 4: «А тираном Кум был тогда Аристодем, сын Аристократа, человек родом не из простых, который от горожан имел прозвище “Малак” (Крот-

⁸ О Кимоне как ведущем афинском лаконофила см.: Суриков 2015б, 12 слл.

⁹ У Плутарха σσ, поскольку он все-таки не был последовательным аттицистом и порой включал в язык своих произведений в целом аттический, элементы эллинистическо-римского койне.

¹⁰ Или все-таки скорее группа авторов. Было достаточно убедительно показано (Whitehead 1993), что в составлении знаменитого трактата о государственном устройстве Афин поучаствовали, как минимум, два человека. Мы бы, со своей стороны, добавили, что один из них не был коренным афинянином. Все-таки Θετταλός с ττ – это уже какой-то «гиператтицизм» (у Фукидида, например, везде Θεσσαλός, а уж Фукидид-то – почти идеальный аттический автор). «Гиперкорректность» в фонетике и грамматике чаще наблюдается у натурализовавшихся чужестранцев (каковым, кстати, как раз был в Афинах Аристотель).

¹¹ Harding 1977.

¹² Г. Берве датирует его правление 505/504–491/490 гг. до н.э.: Berve 1967a, 161.

кий) и со временем стал более известен по прозвищу (ὁς ἐκαλεῖτο Μαλακὸς ὑπὸ τῶν ἀστῶν καὶ σὺν χρόνῳ γνωριμωτέραν τοῦ ὀνόματος ἔσχε τὴν κλησιν), чем по имени, – то ли потому, как сообщают некоторые, что ребенком он оказался женоподобным и переносил то, что подобает женщинам¹³, то ли, как пишут другие, поскольку был кротким по природе и ласковым по нраву (πρᾶος ἦν φύσει καὶ μαλακὸς εἰς ὀργήν)». Suid. s.v. Ἀριστόδημος: «Аристодем, сын Аристократа, тиран Кимы Италийской, муж не из простого рода, который получил от граждан прозвище «Кроткий» и со временем стал более известен по прозвищу, чем по имени (ὁς ἐκαλεῖτο Μαλακὸς ὑπὸ τῶν ἀστῶν καὶ σὺν χρόνῳ γνωριμωτέραν τοῦ ὀνόματος ἔσχε τὴν κλησιν) то ли потому, что ребенком он был женоподобным и переносил то, что подобает женщинам, то ли потому, что был мягким по природе и кротким по нраву (πρᾶος ἦν φύσει καὶ μαλακὸς εἰς ὀργήν)».

Как видим, словарь «Суда» попросту дословно цитирует Дионисия Галикарнасского, а вот что касается этого последнего – он в своих «Римских древностях» дает об Аристодеме довольно пространный экскурс. И из данного свидетельства, строго говоря, так-таки и не складывается однозначного впечатления, почему именно вышеназванный тиран получил подобное, не очень обычное прозвище.

Прилагательное *μαλακός* в прямом и строгом смысле означает «мягкий». Когда оно, применяясь к людям, употреблялось, таким образом, в переносном значении, то могло получать коннотации как негативные («изнеженный, слабый, вялый»), так и позитивные («кроткий, тихий, снисходительный, уступчивый», даже «женственный»)¹⁴. Впрочем, нельзя не заметить, что позитивные контексты данной лексемы все же встречаются заведомо реже. Если, например, Аристотель называет Писистрата Афинского «кротким» тираном (Arist. Ath. pol. 16. 2)¹⁵, «кротким» именно в положительном смысле (т.е. незлобивым, не склонным к мщению врагам и т.п.), то он употребляет иную лексему – не *μαλακός*, а *πρᾶος*.

Из того, что нам рассказывает Дионисий Галикарнасский об Аристодеме Кумском, перед нами вырисовывается образ какого-то образцового, просто-таки «идеального» тирана. Аристодем совершает громкий подвиг на войне (Dion. Hal. Ant. Rom. VII. 4. 3), затем начинает заигрывать с демосом, позиционируя себя в качестве врага аристократии (ibid. VII. 4. 5 sqq.), а придя к власти, проводит две «самые одиозные» реформы – передел земель и кассацию долгов (ibid. VII. 8. 1), в конце концов отбирает у всех граждан оружие (ibid. VII. 8. 2–3)¹⁶.

И что же во всем этом «мягкого»? Показана, напротив, какая-то чрезвычайно жесткая линия. Похоже, большее отношение к прозвищу кумского тирана имеет следующее наблюдение того же Дионисия Галикарнасского (ibid. VII. 9. 3–5): «А чтобы вообще ни у кого из остальных граждан не появился благородный и мужественный образ мыслей, тиран решил изнежить (ἐκθηλῦναι, дословно – «обабить») посредством воспитания всю подрастающую молодежь города <...> А именно, он приказал юношам носить длинные волосы, подобно девушкам <...>

¹³ Речь идет, понятно, о пассивном гомосексуализме.

¹⁴ Вейсман 1991, 779.

¹⁵ Что позволило нам в свое время ввести в название главы о Писистрате в монографии о ранних греческих политиках (Суриков 2005, 151) именно такую парадоксальную формулировку о «кротком тиране».

¹⁶ Ср. с рассказом Аристотеля (Ath. pol. 15. 4) о том, как Писистрат отобрал оружие у афинских граждан.

закутываться в тонкие и мягкие (μαλακοῖς) накидки <...> Таким вот воспитанием Аристодем губил мальчиков, пока они не достигали двадцатилетнего возраста...».

Тут прямо-таки чувствуется автор, пишущий в Риме и для римлян, которым длинные волосы всегда представлялись чем-то неприемлемым. У греков же они служили признаком все же не женственности, а аристократизма (как, допустим, во Франции времен Людовиков), не случайно же спартиатам Ликург, согласно легенде, предписал законом носить длинные волосы: тем самым все граждане как бы становились аристократами.

С другой стороны, в последующей греческой традиции (для этоса классической эпохи, как известно, была характерна гипертрофированная маскулинность) подобные меры действительно могли восприниматься как такие, какие «смягчают нравы» (в дурном смысле). Впрочем, Г. Берве¹⁷ вообще полагает, что здесь перед нами результат искаженного толкования античными авторами самого прозвища тирана – Μαλακός, применительно же к прозвищу выдающийся немецкий исследователь считает наиболее вероятным толкование Плутарха, связывающего анализируемое прозвище с прической Аристодема (Plut. Mor. 261de).

Согласно Плутарху, куманский правитель получил прозвище «мягкого» (Μαλακὸν ἐπίκλησιν) «не по мягкости нрава, как думают иные, а по той причине, что так его называли варвары, когда он, еще будучи длинноволосым подростком, в военных столкновениях с ними отличался не только смелостью и ловкостью, но и сообразительностью»¹⁸. Но все это как-то не очень понятно, а, главным образом, так-таки и не удастся уяснить, является ли прозвище Аристодема Μαλακός (в самом факте наличия у него такого прозвища сомневаться не приходится) по своему характеру негативным, позитивным или нейтральным. Нам все-таки представляется наиболее вероятным из этих вариантов первый; иными словами, мы не согласны с Берве и склонны остаться при мнении, что данный эпитет следует связывать с понятиями «изнеженный, женственный», а контекст для его появления видеть как раз в практике тирана по «изнеживанию» молодежи.

Кстати, возможно, имеет смысл хотя бы в двух словах остановиться на синонимичном, но все-таки, как правило, не имеющим откровенно отрицательных обертонов эпитете *πραός*, который, как мы видели чуть выше, в «Афинской политике» Аристотеля прилагается к Писистрату. Нельзя ли и в данном случае говорить о прозвище? Хотя бы вторичном, данном тирану уже *post mortem*, когда его начали идеализировать – по контрасту с режимом его сына Гиппия, который под конец стал достаточно жестким. Тут можно еще отметить, что чуть ниже в том же аристотелевском трактате содержится следующее свидетельство: «...Говаривали часто, что “тирания Писистрата – это жизнь при Кроне”» (Arist. Ath. pol. 16. 7). Имеется в виду, конечно, сравнение с мифическим «золотым веком». Не мог ли самый популярный афинский тиран получить в какой-то момент – вряд ли при жизни, скорее, после смерти – прозвище «Крон»? Исключать это нельзя, но при-

¹⁷ Berve 1967a, 161.

¹⁸ Цитируем в переводе Я.М. Боровского, который, впрочем, именно к данному пассажиру делает примечание: «Текст в этом месте неясен, передается по общему смыслу» (Плутарх 1990, 284, прим. *). Это действительно так, перевод не отличается большой точностью, в нем по сравнению с оригиналом даже кое-что пропущено (например, о каких-то «коронистах»). Неясностью текста, видимо, порождаются и проблемы с его интерпретацией.

ходится отметить, что прямых сообщений на данную тему в нашем распоряжении, кажется, нет.

Таков вот материал о прозвищах в древнегреческих тиранических династиях. Он, как видим, скуден и мало показателен. Можно, конечно, припомнить о каких-то совсем уж ничего не дающих примерах (как, скажем, Дионисий Старший и Дионисий Младший Сиракузские – тут явно налицо простая идентификация, дабы не путать великого отца с посредственным сыном), но чем это нас обогатило бы?

Увы, не иначе (имеем в виду скудость материала) дело обстоит и с легитимными правителями в греческом мире доэллинистического времени. Так, известно по именам довольно много царей кипрских городов¹⁹, но как-то так получается, что, похоже, с ними не соотносятся какие-либо прозвища.

Самые же известные в Элладе царские династии, как известно, правили в Спарте (Агиады и Еврипонтиды)²⁰. Спартанские цари, однако, почти никогда не имели прозвищ. Агесилай II вошел в историю как «Великий» (Αγισίλαος ὁ Μέγας). Именно так – в трактате «Изречения спартанцев», входящем в «Моралии» Плутарха (Plut. Mor. 208b). Не случайно тот же Плутарх в своих «Сравнительных жизнеописаниях» выбрал римским визави Агесилая не кого иного, как Гнея Помпея, который, как известно, получил прозвище «Великий», которое даже стало его официальным когноменом (Ср. Pompeius Magnus)²¹. Между тем известно, что Помпею это прозвище было совершенно точно даровано при жизни, более того – еще в его молодые годы. И сохранились точные данные о том, кем именно оно было ему даровано: диктатором Суллой (Plut. Pomp. 13; в высшей степени характерно, что Плутарх пишет не ὁ Μέγας, а ὁ Μάγνος, то есть просто транскрибирует греческими буквами римское слово *magnus*). С другой стороны, не похоже, чтобы Агесилая II Спартанского называли великим уже при жизни. Другом и певцом выдающегося лакедемонского царя был афинянин Ксенофонт²²; однако ни в «Агесилае» Ксенофонта, ни в его же «Греческой истории» Агесилай не фигурирует с устойчивым прозвищем «Великий». Таким образом, перед нами типичный образец «вторичного», посмертного прозвища.

Афинские политики периодов поздней архаики и ранней классики. А вот тут мы выходим на куда более обильный материал. Проблемы, бесспорно, тоже имеют место. Так, видный представитель рода Филаидов²³ Мильтиад Старший²⁴ в литературе постоянно фигурирует с эпитетом «Ойкист» или «Ктист» (поскольку он основал афинскую колонию на Херсонесе Фракийском и стал ее первым тира-

¹⁹ О них см. теперь: Евдокимов 2016 (прекрасная, фундированная статья со ссылками на основную литературу вопроса).

²⁰ О спартанских царях см. Bradford 2011 (относительно недавняя монография, впрочем, несколько тенденциозно-апологетическая по духу); Печатнова 2007 (книга скорее популярного характера, но все же ее автор – один из крупнейших в настоящее время российских специалистов по Спарте).

²¹ Ср. Hoff 2005. Обратим внимание на то, что в случае с Помпеем мы имеем не вполне традиционный случай, когда лицо не наследует когномен отца (отцом был Помпей Страбон, Plut. Pomp. 1), а получает новый.

²² Nagman 2012.

²³ Или Кимонидов, как ныне нередко пишут (например, Samons 2017).

²⁴ О котором см.: Davies 1971, 299 f.

ном²⁵). Однако же в источниках данный эпитет по отношению к нему, насколько знаем, не встречается, так что тут перед нами опять же вторичный эпитет.

Но вот совершенно точно нельзя сказать того же о прозвище единоутробного брата вышеупомянутого Мильтиада. Здесь мы начинаем речь о Кимоне, сыне Стесагора (отце другого Мильтиада, Младшего, того самого, который разгромил персов при Марафоне), и вот в связи с этим персонажем, одним из наиболее известных в Афинах второй половины VI в. до н.э., уже можно куда более предметно обсудить проблему прозвищ.

Кимон Старший, о котором теперь идет речь, в политической жизни Афин не принимал ровно никакого участия. Прославился же он своими тремя (!) олимпийскими победами в состязаниях колесниц²⁶. В принципе с такими-то спортивными достижениями он вполне мог бы претендовать даже и на видную роль одного из лидеров полиса²⁷. Но никаких подобных притязаний он не выказывал, поскольку был на редкость туп, за что и получил свое известнейшее прозвище *Κοάλεμος*.

Наиболее важным как свидетельство представляется здесь хрестоматийный пассаж из Плутарха (Plut. Cim. 4): «Кимон²⁸ <...> прослыл беспутным кутилой, похожим по нраву на деда своего Кимона, который, говорят, за простодушие был прозван Коалемом (*Κοάλεμον προσαγορευθῆναι* – в оригинале конструкция асс. с. inf.). «Простодушие» – это еще мягко сказано (мы использовали русский перевод В.В. Петуховой). В действительности *κοάλεμος* – это просто дурачок, *μωρός*. (Ps.-Zonar. Lex. s.v. *κοάλεμος*). Иными словами, совершенно тупоумный человек. Конечно, не до стадии невменяемости. *Κοάλεμος* вполне мог быть почтенным гражданином, и примером тому – не один только Кимон Старший.

Так, укажем следующее свидетельство Афиняя (Athen. V. 220b): «В диалоге “Аспасия” Эсхин²⁹ обзывает Гиппоника, сына Каллия, дураком (*Ἰππόνικον μὲν τὸν Καλλίου κοάλεμον προσαγορεύει*)). Из контекста видно, что речь идет об афинянине действительно почтеннейшем. Этот Гиппоник из рода Кериков слыл богатейшим из афинских граждан. Впрочем, похоже, он действительно был простоват. Хорошо известен рассказ (Plut. Alc. 8) о том, как молодой Алкивиад публично нанес Гиппоннику оскорбление действием – причем без всякой причины, а, так сказать, на спор с приятелями, – на следующий же день пришел к нему просить прощения и даже желал быть наказанным за свою выходку. Старик расстрогался и не только простил обидчика, но и впоследствии выдал за него свою дочь Гиппарету.

Кстати, парадоксальным образом именно к представителям рода Кериков прозвища как-то особенно интенсивно «прилипали». Напомним, что это был из-

²⁵ Сводку свидетельств см.: Berge 1967b, 565 f.

²⁶ В этом контексте мы о нем ранее и писали в таких своих англоязычных работах, как: Surikov 2004; 2012; 2013a.

²⁷ О роли олимпийщиков как лидеров полиса и даже потенциальных тиранов см. старую, но все еще полезную статью: Зельин 1962.

²⁸ Это Кимон Младший, сын марафонского победителя Мильтиада и сам выдающийся военачальник.

²⁹ Не оратор Эсхин, современник и соперник Демосфена, а Эсхин Сократик, создававший свои философские диалоги в начале IV в. до н.э.

вестнейший афинский жреческий и в то же время политически активный род³⁰, в частности, активно подвизавшийся на ниве дипломатии³¹.

И у нас есть подозрение, что тот член данного рода, который в источниках хронологически первым имеет прозвище, получил его как раз в связи со своей дипломатической деятельностью. Это Гиппоник, но не тот, который упоминался выше в качестве дурака, а его дед.

Гиппоник, сын Каллия, о котором идет речь, жил на рубеже VI–V вв. до н.э., т.е. в первые годы становления демократического афинского полиса. Об этом Гиппонике известно только, что он носил прозвище «Аммон» (Γιππόνικον τὸν Καλλίου τὸν Ἀμμῶνα ἐπικαλούμενον, Heraclid. Pont. ap. Athen. XII. 537a). Об источнике прозвища эксплицитно не говорится, но, думается, удовлетворительное его объяснение может быть только одно: очевидно, Гиппоник возглавлял священное посольство к оракулу Аммона в Ливии³², что вполне увязывалось бы с принадлежностью его к потомственному жречеству. Это гипотетическое посольство должно приходиться на первые годы клисфеновских реформ, когда юная демократия стремилась получить религиозную санкцию, заручившись поддержкой крупнейших святилищ (в частности, дельфийского оракула)³³.

Сыном вышеупомянутого Гиппоника (и отцом Гиппоника, упоминавшегося еще выше, тестя Алкивиада) был знаменитейший Каллий, о котором мы в свое время писали³⁴: «Каллий (II), сын Гиппоника (PA 7825), был, бесспорно, одним из наиболее заметных афинян своего времени. Являясь самым богатым человеком в Афинах, а по некоторым сведениям – и во всей Элладе (Lys. XIX. 48; Aeschin. Socr. ap. Plut. Aristid. 25), трижды победив на Олимпийских играх в состязаниях колесниц-четверок³⁵, еще в молодости отличившись в Марафонском сражении (Schol. Aristoph. Nub. 64), впоследствии породнившись и с Кимоном и с Периклом, – Каллий, пожалуй, заслуживал бы специальной биографии Плутарха». Именно он, в частности, заключил известный Каллиев мир, завершивший Греко-персидские войны³⁶.

У Каллия, о котором теперь идет речь, было интереснейшее прозвище «Лаккоплут» (Λακκόπλουτος). См., например: Aristodem. FGrHist. 104. F1. 13: «И избирают стратегом Каллия, по прозвищу (ἐπίκλην) Лаккоплут...». Suid. s.v. Καλλίας: «Каллий, прозванный (ἐπικληθεὶς) Лаккоплутом...».

Прозвище, которое здесь, перед нами, представляет собой составное существительное (или прилагательное: в древнегреческом – в отличие от русского – эти две части речи грамматически никак не различаются, что, кстати, облегчало субстантивацию прилагательных), производное от корней слов *λάκκος* «яма, цистерна» и *πλοῦτος* «богатство». Иными словами, «Лаккоплут» должно обозначать «разбогатевший от ямы».

³⁰ Само понимание афинского рода ныне, кстати, приходится корректировать по сравнению с традиционным с учетом выкладок в фундаментальном труде: Bourriot 1976.

³¹ Суриков 2000а, 101 слл.

³² Об оракуле Аммона см.: Parke 1967.

³³ Picard 1930; Schachermeyr 1966, 68; Shapiro 1994, 123.

³⁴ Суриков 2000а, 105.

³⁵ Moretti 1957, 80.

³⁶ Об этом договоре см. хотя бы: Samons 1998.

Плутарх передает крайне сомнительный рассказ о преступлении Каллия после битвы при Марафоне (Plut. Aristid. 5)³⁷: воин-жрец (а сражался он именно в жреческом облачении) якобы присвоил золото, спрятанное персами в яме, убил человека, показавшего ему этот клад, и таким путем чрезвычайно разбогател (ср. Phot. Lex. s.v. Λακκόπλουτος; Suid. s.v. Λακκόπλουτος – в этих источниках эпизод приурочивается не к Марафонскому, а к Саламинскому бою). На самом же деле Каллий, несомненно, был очень богат уже задолго до Марафона и уж тем более до Саламина: надежным свидетельством этого является сам факт его трехкратной олимпийской победы в самом дорогостоящем виде состязаний в 500, 496 и 492 гг. до н.э.

Укажем другие свидетельства о Каллии-«Лаккоплуте». «Лаккоплут: так Каллия называют комедиографы, из-за того, что он нашел золото, брошенное в колодец» (Hesych. s.v. Λακκόπλουτος). Между прочим, упоминание комедиографов здесь весьма важно. Под таковыми могут иметься в виду только авторы древней аттической комедии, развивавшейся на протяжении V в. до н.э. и нашедшей свой конец в начале IV в. до н.э. (уже последняя драма Аристофана, «Плутос», поставленная в 388 г. до н.э., типологически принадлежит к жанру средней аттической комедии): лишь они практиковали в своих пьесах политическую сатиру, причем именно личностного типа³⁸. А значит, Каллия называл Лаккоплутом какой-то из его современников (этому афинскому политику была дарована долгая жизнь, и он, поучаствовав в Марафонской битве 490 г. до н.э., а перед тем одержав аж три олимпийские победы, завершил свою карьеру даже не Каллиевым миром 449 г. до н.э., а Тридцатилетним миром Афин со Спартой 446 г. до н.э.).

Возможно, что называл Каллия Лаккоплутом также и софист Протагор (Themist. Sophist. 294a5 Harduin), который, кстати, при своих визитах в Афины останавливался у его внука, тоже Каллия (Plat. Prot. 311a). У этого последнего³⁹, возможно, тоже было прозвище («Богатый»), но с его наличием или отсутствием мы будем разбираться в следующей статье данного цикла, поскольку хронологические рамки этой – периоды архаики и ранней классики, а Каллий-младший жил и действовал уже во второй половине V в. и первой половине IV в. до н.э.

В любом случае мы видим, что, как минимум, три представителя рода Кериков (возможно, что и четыре, если в дальнейшем о Каллии-младшем получим позитивные результаты) фигурируют как имеющие прозвища *Гиппоник «Аммон»* (Ἀμμων), *Каллий «Лаккоплут»* (Λακκόπλουτος), *Гиппоник «Дурачок»* (κοῦαλεμος). Причем, если по отношению к последнему перед нами, скорее всего, чисто ситуативный эпитет (по эмоциональной окраске, естественно, негативный), причем данный вторично, посмертно (Эскином Сократиком), то применительно к двум первым можно без сомнения говорить именно о постоянных, устойчивых прозвищах. Мы бы, пожалуй, отнесли оба к категории нейтральных, чисто идентификационных (поскольку имена Гиппоник и особенно Каллий были в числе весьма распространенных в Афинах). О происхождении прозвища «Аммон» говорилось выше, а что касается «Лаккоплута» и мнимой его связи с похищением персидских богатств, можем только повторить то, что писали десяток лет тому

³⁷ Источник этого анекдота, – должно быть, афинская памфлетная литература V в. до н.э.

³⁸ Schwarze 1971; Degani 1991; Storey 1998; Stark 2002.

³⁹ О нем см. Strauss 1986, 131 ff.

назад⁴⁰: «Версию эту, наивно-клеветническую, Плутарх, скорее всего, нашел в какой-нибудь комедии или памфлете и некритически использовал. В действительности, конечно же, подобная махинация, имея она место, не сошла бы Каллию с рук <...> А прозвище *λακκόπλουτος*, скорее всего, должно трактоваться по-другому: оно показывает, что богатство Кериков пошло от разработки Лаврийских серебряных рудников, от тамошних «ям», то есть шахт».

Из политиков начала V в. до н.э. чрезвычайно устойчивое и в то же время чрезвычайно позитивное (настолько зашкаливающе-позитивное, что оно вызывало уже раздражение у сограждан) носил один. Каждый, естественно, догадается, что имеется в виду Аристид «Справедливый» (*ὁ Δίκαιος*⁴¹), один из виднейших деятелей не только Афин, но и Эллады в целом, основатель Делосского союза. То, что прозвище Аристида не было придумано впоследствии (например, афинскими союзниками, которые, понятно, после клеоновских новшеств считали расклад фороса 478 г. до н.э., осуществленный Аристидом и в целом сохранявшийся более полувека, почти идеальным), то есть не являлось вторичным, а употреблялось уже при его жизни, подтверждается целым рядом данных. См., например, у Аристотеля (*Ath. pol.* 23. 3): «Простатами народа в эту пору были Аристид, сын Лисимаха, и Фемистокл, сын Неокла. Последний считался искусным в военных делах, первый – в гражданских, притом Аристид, по общему мнению, отличался еще *между своими современниками* [курсив наш – И.С.] справедливостью. Поэтому и обращались к одному как к полководцу, к другому – как к советнику». Простим здесь Стагириту известное упрощение: и Аристид в своей жизни, случалось, отличался как полководец, и Фемистокл не раз и не два подсказывал согражданам в высшей степени ценные идеи. Но общую, сложившуюся репутацию, не преодолеть; судя по всему, уже современниками Аристид воспринимался не столько как «муж войны», сколько как «муж совета».

Но самым главным аргументом в пользу прижизненного характера прозвища Аристида «Справедливый» является известный эпизод, имевший место в день остракофории 482 г. до н.э., то есть в тот день, когда Аристид собственно и был изгнан (законом об остракизме⁴² предполагалось, что на 10 лет, но на самом деле он был возвращен досрочно в связи со вторжением Ксеркса). Этот эпизод с Аристидом и крестьянином был весьма популярен среди античных (а впоследствии и византийских) авторов и встречается, с теми или иными модификациями и варьированием деталей, в целом ряде источников. Сам мотив должен быть признан достаточно ранним и, видимо, аутентичным; во всяком случае, нет серьезных оснований отвергать достоверность описываемого случая⁴³.

⁴⁰ Суриков 2008, 80–81.

⁴¹ А в латинской передаче – *Iustus*. См. *Rep. Aristid.* 1: «Аристид отличался такой честностью, что, насколько я знаю, оказался единственным [курсив наш – И.С.], кто на памяти людской получил прозвище Справедливого (*ado accelerate Aristides abstinent, ut onus post hominem memotiam, quem equidem nosy audiograms, cognomina Iustus sit appellate*)». Обратим внимание, что римский автор употребляет для обозначения прозвища термин *cognomen* (у римлян это – «третье имя», элемент официальной номенклатуры гражданина, но у греков, конечно, такого не было).

⁴² В связи с законом об остракизме см.: Суриков 2006. В изложении эпизода с Аристидом мы, разумеется, опираемся на выкладки в только что упомянутой монографии, а также на главу об этом политике в нашей книге: Суриков 2008.

⁴³ Harvey 1966, 592. Противоположное мнение (без специальной аргументации) см.: Finley 1983, 50.

Первое упоминание о нем мы встречаем в I в. до н.э., у Корнелия Непота, но римский биограф, несомненно, не сам придумал данный эпизод, а позаимствовал его у кого-то из более древних писателей и только, вероятно, подверг собственной обработке. Непот рассказывает (Nep. Aristid. 1), что Аристид во время остракизма заметил на месте голосования какого-то человека, пишущего на черепке его имя для изгнания (*animadvertisset quendam scribentem, ut patria pelleretur*). Спросив писавшего, почему он это делает и почему считает Аристида достойным такого наказания, он получил ответ: с Аристидом пишущий незнаком, но ему не нравится, что тот уж очень старается слыть Справедливым (*quod tam cupide elaborasset, ut praeter ceteros Iustus appellaretur*). Таким образом, в этой, самой ранней из дошедших до нас версий анекдота, еще нет упоминаний ни о каком неграмотном крестьянине. Человек, желающий изгнать Аристида, наносит надпись сам и никого не просит это сделать.

Следующий автор, у которого появляется интересующий нас анекдот, – это, как и следовало ожидать, Плутарх, большой любитель подобного рода историй. У него эпизод рассказан значительно подробнее, а, кроме того, с принципиальными отличиями от повествования Непота. Именно версия Плутарха в дальнейшем восторжествовала в традиции, стала основной, явилась отправной точкой для всех последующих; наиболее знакома она и современному читателю. Здесь (Plut. Aristid. 7) впервые заходит речь о неграмотном и невежественном крестьянине, который, не будучи знаком с Аристидом, обращается к нему с просьбой надписать его же имя. Аристид задает уже известный нам вопрос и получает следующий ответ: «Я даже не знаю этого человека, но мне надоело слышать на каждом шагу “Справедливый” (*ἐνοχλοῦμαι πανταχοῦ τὸν Δίκαιον ἀκούων*)». Политик затем надписывает черепок против себя самого и отдает крестьянину. Сходным образом, но несколько короче, изложен эпизод и в «Моралиях» Плутарха (186ab); там крестьянин жалуется на то же самое, но другими словами (*ἄχθεσθαι δὲ τῆ τοῦ δικάίου προσηγορίᾳ*).

В дальнейшем в традиции восторжествовала именно плутарховская версия анекдота, но мы на этом вопросе подробно останавливаться не будем, поскольку делали это в монографии об остракизме, вышедшей более десятилетия назад. Обратим только внимание на то, что если крестьянин из анекдота об Аристиде не умел (или почти не умел) писать, то, во всяком случае, должен был уметь читать: иначе как он мог бы удостовериться, что на возвращенном ему черепке стоит имя нелюбезного ему политика, а не чье-либо иное? В связи со всем вышесказанным представляет интерес один из остраконов против Аристида, найденных на афинской Агоре⁴⁴. На нем мы находим два разных почерка. В верхней части черепка какой-то, очевидно, очень плохо владевший искусством письма афинянин тщетно пытался вывести «Аристид», но эти попытки заканчивались «фальстартами». А ниже требуемое имя написано четким, красивым почерком хорошо грамотного человека. Уж не тот ли самый это остракон, о котором идет речь в рассказе античных авторов об Аристиде и крестьянине? Естественно, такое предположение выглядит весьма соблазнительным, поскольку, помимо прочего, еще и позволяет считать, что мы две тысячи лет спустя можем собственными глазами видеть (хотя бы на фотографии) надпись, сделанную самим Аристидом!

⁴⁴ Публикацию см.: Lang 1990, 36.

Как бы то ни было, нам представляется ясным, что в Афинах Аристиду действительно называли «Справедливым», причем называли устойчиво, так что многим это даже «набило оскомину». О том, чтобы у Фемистокла, главного из соперников Аристиду, имелось столь же устойчивое прозвище, в источниках (по крайней мере, нарративных) ничего не говорится; видимо, он такого и имел (хотя см. ниже в связи с несколькими остраконами). Возникло такое со временем у ведущего политика следующего поколения, Перикла (его прозвали «Олимпийцем»), но этим прозвищем мы будем заниматься в следующей статье, а не в этой, не идущей дальше хронологических рамок ранней классики. Пока вернемся к Аристиду на предмет уточнения: не было ли у него, наряду с устойчивым прозвищем «Справедливый», каких-либо ситуативных прозвищ? Но это выводит нас на интереснейшую проблему более общего характера, которую мы сейчас и обозначим.

Прозвища на афинских остраконах. Под «остраконами» (или «острака», как часто пишут) здесь мы разумеем только остраконы в узком терминологическом смысле, а именно черепки, которые являлись «бюллетенями» при голосовании в ходе процедуры остракизма (последняя в наибольшей детальности известна для Афин, хотя, несомненно, применялась и в ряде других полисов⁴⁵).

Приведем то определение остракизма, к которому мы однажды пришли⁴⁶. Остракизм (в своей «классической» форме, как он функционировал в демократических государствах V в. до н.э.) – существовавшее в том или ином виде и ранее, но к началу классической эпохи получившее свое окончательное воплощение внесудебное изгнание по политическим мотивам наиболее влиятельных граждан из полиса на фиксированный срок (в Афинах – на 10 лет⁴⁷), без поражения в гражданских (в том числе имущественных) правах и с последующим полным восстановлением в политических правах, применявшееся в профилактических целях и осуществлявшееся путем голосования демоса в народном собрании при применении особой процедуры (в Афинах – с использованием надписанных глиняных черепков⁴⁸).

Почему мы заговорили здесь об остракизме? На целом ряде остраконов (а этих последних, как известно, насчитывается ныне более десятка тысяч⁴⁹)? Помимо имен «кандидатов», присутствуют также разного рода приписки, посредством которых по-южному экспансивные и непосредственные афиняне выражали свои эмоции (по большей части негативные) в адрес тех или иных сограждан⁵⁰. Судя по всему, такие приписки – в отличие от практики наших дней – не делали «бюллетень» недействительным. Они весьма разнообразны как по содержанию, так и по размеру: от короткого и выразительного ἴτω («пусть уходит»), φευγέτω («пусть отправляется в изгнание») или ἔχε («получай!») до целой фразы из десятка слов.

⁴⁵ Суриков 2006, 443 слл.

⁴⁶ Суриков 2006, 416.

⁴⁷ А, например, в Сиракузах – на 5 лет.

⁴⁸ Опять же, в Сиракузах использовался иной материал – не черепки, а надписываемые оливковые листья. Поэтому в указанном полисе даже и сама процедура именовалась не остракизмом, а петализмом.

⁴⁹ Полная публикация остраконов с Агоры: Lang 1990. Полной публикации остраконов с Керамика мы пока так и не дождались, но укажем работы, в которых в наибольшей степени отражены данные этих памятников: Brenne 2001; Brenne 2002.

⁵⁰ Об этих приписках см.: Mattingly 1971; Siewert 1991; Brenne 1994. Наконец, наиболее подробная на сегодняшний день их комментированная сводка: Brenne 2002.

В подавляющем большинстве такие приписки имеют инвективный характер. Так, Калликсен, сын Аристонида, на одном из черепков (480-е гг. до н.э.) назван «предателем» (ὁ προδοτής)⁵¹. Кстати, на другом черепке с его именем указана родовая принадлежность этого афинянина – «из Алкмеонидов» (Ἀλκμεονιδῶν)⁵². К предателям (ἐκ προδοτῶν) причислен и другой «кандидат» на остракизм – Мелон (начало 450-х гг. до н.э.)⁵³. Некий Архен (480-е гг. до н.э.) назван «любящим чужеземцев» (φιλοξενῶν), что тоже, очевидно, следует трактовать как подозрение в измене.

Аналогичный характер имеют обвинения против отличающегося большим количеством найденных против него остраконов некоего Каллия, сына Кратия (480-е гг. до н.э.), который на нескольких черепках (по подсчету Ш. Бренне, на 16) фигурирует как «мидянин» (Μῆδος, ὁ Μῆδος, ἐν Μῆδων⁵⁴, ἐκ Μῆδων⁵⁵), то есть фактически «перс»⁵⁶. Тут перед нами особенно интересный случай. Инвектива ли это вообще? Или, может быть, перед нами все-таки прозвище, которое носил *данный конкретный* Каллий, один из *очень многочисленных* афинских Каллиев?⁵⁷

Хорошо известно, что некоторые афиняне имели такого рода прозвища (упоминавшийся выше Гиппоник «Аммон», Гераклид «Царь», живший в последней четверти V и, видимо в начале IV в. до н.э., а также другие – те, о которых шла речь ранее или пойдет далее). Конкретные причины их происхождения не всегда известны, но порой могут быть с некоторой степенью вероятности выяснены. Так, клазоменца Гераклида, впоследствии получившего афинское гражданство, прозвали «Царем» за то, что он оказал Афинам услуги при заключении т.н. Эпиликова мира с персидским царем Дарием II⁵⁸; а выше мы высказали предположение, что Гиппоник был прозван «Аммоном» после его посольства к оракулу этого божества в Ливии.

Насколько можно судить, и в случае с Каллием дело обстояло схожим образом. Он наверняка участвовал в посольстве в Персию (скорее всего, в том, которое было отправлено по инициативе Клисфена в 507 г. до н.э., Herod. V. 73), возможно, даже возглавлял это посольство⁵⁹. Об этом недвусмысленно говорит надпись

⁵¹ Сразу оговорим, что при воспроизведении древнегреческих написаний мы не будем здесь воспроизводить особенностей староаттического алфавита и указывать на безусловно восстанавливаемые лакуны и на допущенные на остраконах ошибки, как мы делали в: Суриков 2006. Подчеркнем также, что здесь мы постоянно опираемся на тот материал по остраконам, который собран в нашей только что упомянутой книге, и тех, кого интересуют детали, аргументация датировок и пр., отсылаем именно к ней.

⁵² О Калликсене и надписях на его остраке см.: Stamires, Vanderpool 1950.

⁵³ Peek 1941, 71.

⁵⁴ На остраконе – ΕΓ ΜΕΔΟΝ, что, видимо, все-таки следует понимать все-таки ἐν Μῆδων (т.е. «в [стране] мидян»), а не как-либо иначе: гамма вместо ню поставлена перед сонорной мю по гиперкорректности.

⁵⁵ «Из [страны] мидян» скорее, чем «из числа мидян».

⁵⁶ О надписях на остраке против Каллия, сына Кратия, см.: Lewis 1974, 3; Bicknell 1974a, 150; Rhodes 1981, 274; Shapiro 1982; Stein-Hölkeskamp 1989, 193 ff.; Littman 1990, 165 ff.; Brenne 1992, 173 ff.; Brenne 2001, 119.

⁵⁷ Ср. Miller 1997, 252–253.

⁵⁸ Рунг 2000, 88. Подробнее о Гераклиде будет говориться в следующей статье данного цикла, поскольку он действовал не в эпоху ранней классики.

⁵⁹ Клисфен принадлежал к роду Алкмеонидов, и к тому же знаменитому роду, как можно утверждать с наибольшей степенью вероятности, относился Каллий, сын Кратия (Суриков 2001, 119–120).

еще на одном его остраконе, где он назван «ходившим к мидянам» (ὄς ἐν Μῆδων ἦκε). Похоже, что «Мидянин» стало для Каллия, сына Кратия, именно устойчивым прозвищем. Возможно, что, побывав в великой Ахеменидской державе⁶⁰, он «заразился» тягой к восточной роскоши, столь характерной для эллинов того времени⁶¹. Известно, например, что некоторые афиняне завозили на родину от персов таких экзотических птиц, как павлины (Antiph. fr. 57–58 Blass – Thalheim).

Но перейдем к дальнейшему материалу. Некого Агасия (480-е или 470-е гг. до н.э.) довольно грубо обозвали ослом (ὄνος). Впрочем, П. Бикнелл небезосновательно полагает⁶², что это не банальное ругательство, а шутивная аллюзия на остракинду – игру с черепками, в которой словом «осел» обозначался проигравший (Poll. IX. 112).

Как бы то ни было, на острака встречается и куда более непристойная брань. Чего стоит хотя бы эпитет на одном остраконе против Фемистокла⁶³ – καταπύγων, который не стоит даже и пытаться перевести на литературный русский язык. На другом черепке с именем того же политика есть надпись ΥΠΕΓΑΙΟΣ ἄγος. Перед нами – либо гапакс, либо какая-то ошибка писавшего, но смысл выражения достаточно ясен: Фемистокл назван здесь чем-то вроде «проклятия земли»⁶⁴. А с другой стороны, еще одна надпись на остраконе с именем того же политика требует изгнать его «почета ради» (τιμῆς ἔνεκα). Еще одна шутка? Или вполне серьезное свидетельство о том, что остракизм был действительно *почетным* изгнанием, «прерогативой» людей известных, как указывают многие античные авторы?

Между прочим, упоминавшийся выше Менон на нескольких острака назван ἀφελής (простым, неизысканным), а на одном даже ἀφελῶν βασιλεύς (царем простых). Публикатор (Ф. Виллемсен) затрудняется определить цель появления этого эпитета⁶⁵. А не хотел ли писавший упрекнуть Менона в том, что он слишком прост, незнатен для остракизма?⁶⁶ Как известно, именно такого рода мнения в изобилии звучали в Афинах, когда этой мере подвергся Гипербол. Укажем в этой связи еще на тот факт, что некий Боон (480-е или 470-е гг. до н.э.) назван на остраконе «живущим в деме Торик»⁶⁷. Такие формулировки (не «из такого-то дема», а «живущий в таком-то деме») в документах обычно сопровождают имена метэков, а не граждан. Боон, конечно, не был метэком, иначе он не мог бы стать «кандидатом» на изгнание остракизмом. Приписка сделана, скорее всего, с целью унижить указанное на остраконе лицо, подчеркнуть его «недостойнство». Афинянин по имени Ксанфий (480-е или 470-е гг. до н.э.) на двух остраконах назван кифаре-

⁶⁰ Мы не упоминали о визитах этого персонажа в Персию в работах Суриков 2013б; Суриков 2017в. Ибо там шла речь только о знаменитых греках, посетивших Восток, а Каллия, сына Кратия, к знаменитым отнести трудно.

⁶¹ Об этой тяге см. Карпюк 2012.

⁶² Bicknell 1986.

⁶³ Фемистокл фигурировал в качестве одного из «кандидатов» на остракофорориях и в 480-х, и в 470-х гг. до н.э.; точные датировки внутри этого достаточно длительного периода для большинства конкретных остраконов вряд ли возможны.

⁶⁴ Bertl 1999, 99. Предлагалась и эмендация ὑπέγγυος ἄγος – «подлежащий проклятию»: Hornblower 1992, 203. О термине ἄγος см.: Суриков 2000б, 227 сл.

⁶⁵ Willemsen 1965, 118.

⁶⁶ По мнению Бренне, это – намек на «провинциальное» происхождение Менона (он был фессалийцем, натурализовавшимся в Афинах). См.: Brenne 2001, 241.

⁶⁷ Ibid., 125.

дом. Либо он на самом деле был таковым (но это маловероятно: вряд ли кому-нибудь пришло бы в голову применять остракизм к кифареду), либо это опять же инвектива (или прозвище – устойчивое? ситуативное?): Ксанфию приписано не слишком-то почетное занятие⁶⁸.

Очень «достаётся» на острака Мегаклу, сыну Гиппократу. Этот блестящий афинский аристократ и достаточно видный политик 480-х гг. до н.э. обвиняется, например, в распутстве: его называют «прелюбодеем» (μοιχός), прилагают к нему выражения νέα κόμη, νέας κόμης («с новыми волосами»), что, возможно, следует тоже трактовать в смысле разврата⁶⁹. Сыплются на голову Мегакла и другие обвинения. Так, его обвиняют в корыстолюбии (φιλόχουρος); кстати, схожее обвинение предъявляется и Менону – δωροδοκώτατος, «взяточник из взяточников».

На двух остраконах Мегакла именуют «оскверненным» (ἀλειτήρος; кстати, обратим внимание на то, что это же самое слово фигурирует в известнейшей эпиграмме⁷⁰ на остраконе против Ксантиппа, близкого родственника Мегакла), а еще на одном – «килоновцем» (Κυλώνειος). Не может быть никаких сомнений, по поводу чего все эти реминисценции: Алкмеониду Мегаклу явно припоминают старинное родовое проклятие, уже более века тяготевшее над его предками, – так называемую «Килонову скверну».

Не проходят Мегаклу даром и его родственные связи. Вот еще один его остракон, где написано: Μηγάκλῆς Ἰπποκράτους καὶ Κοισύρας. Обычно это переводят как «Мегакл, сын Гиппократу и Кесиры», с чем мы не можем вполне согласиться и придерживаемся понимания «Мегакл, (сын) Гиппократу и (муж) Кесиры». Наш вывод, видимо, звучит парадоксально, но мы неоднократно приводили доводы в его пользу⁷¹ и здесь совершенно не намерены их повторять, тем более что это не имело бы прямого отношения к тематике данной статьи. Здесь для нас важно только то, что Кесиры в любом случае находилась с Мегаклом в каких-то родственных связях и в то же время была скандально известна в Афинах роскошным образом жизни (ср. Aristoph. Nub. 48), из-за чего и попала на остракон.

Автор надписи на еще одном черепке-«бюллетене» рекомендует изгнать Мегакла δουμοῦ ἔνεκα, то есть из-за какого-то леса. Насколько можно судить, здесь в политическую борьбу на остракофории вкрались чисто личные мотивы (нам уже ныне совершенно неясные), вероятно, какие-то пограничные споры между соседями. А вот вопрос, фигурирует ли тот же Мегакл на одном из самых известных остраконов как ἄπολις, т.е. «лишенный полиса, лишенный города, изгой», пока приходится оставить открытым. Хотя мы вслед за Раубичеком⁷² склонны восста-

⁶⁸ Ш. Бренне (ibid., 309) считает, что Ксанфий на остраконах – вообще не имя афинского гражданина (слишком уж «по-рабски» оно звучит), а насмешливое прозвище кого-то из политических деятелей (Фемистокла или Ксантиппа). Эта гипотеза вряд ли доказуема, и всерьез заниматься ею мы не будем, но не упомянуть ее было нельзя.

⁶⁹ Согласно Аристофану (Aristoph. Ach. 849), развратников в классических Афинах остригали, так что им часто приходилось ходить «с новыми волосами». Ср.: Brenne 1994, 14. Впрочем, в связи с иным возможным толкованием этих «волосатых» эпитетов см. в следующей нашей статье данного цикла.

⁷⁰ Текст, перевод и указания на литературу см. Суриков 2006, 73–74.

⁷¹ Суриков 2003; 2006, 77–78.

⁷² Raubitschek 1994.

навливать на плохо сохранившемся остраконе вокатив ἄπολι из имеющегося]Λι, но прекрасно осознаем, что этот вариант – не единственный. По идее, конечно, Мегакл мог получить подобную кличку – именно в связи с тем, что стал жертвой остракизма. Характерно, кстати, что ἄπολις, а не ἄτιμος («лишенный гражданских прав»). Как известно, остракизм не предусматривал атимии; подвергшееся ему лицо гражданство не лишалось, а вот полиса именно лишалось – временно, до окончания срока изгнания.

Леагр, сын Главкона (480-е или 470-е гг. до н.э.), политик из группировки Фемистокла, определяется как «клеветник» (βῆσκανος)⁷³. Его же на другом остраконе называли «черным» (μέλας)⁷⁴. Афинские граждане вообще любили пошутить на остракофориях (и мы это уже видели). Так, на нескольких остраконах фигурирует некто Λιμός Εὐπλατρίδης. Слово λιμός по-гречески означает «голод», и в высшей степени сомнительно, чтобы кто-нибудь из афинян носил такое имя. Тут, очевидно, попросту проявление остроумия: писавший советует изгнать из страны голод. С другой стороны, тем же Ш. Бренне⁷⁵ Там же предполагается (но им же сразу признается маловероятной) и другая возможность: Λιμός могло быть прозвищем какого-нибудь афинянина. В принципе, а почему бы и нет?

Очень интересны два остракона, направленных против уже хорошо знакомого нам Аристиды. На одном из них этот политик, возможно, поименован братом персидского полководца Датиса, который в 490 г. до н.э. возглавил экспедицию в Аттику, завершившуюся Марафонским сражением (Ἀριστείδην τὸν Δάτιδος ἀδελφόν)⁷⁶, а на другом его называют «прогнавшим молящих о защите» (ну, это то выражение, полагаем) уж точно вряд ли может считаться прозвищем). Укажем, что «Справедливым» Аристид не назван ни на одном остраконе.

Некоторые приписки на острака не являются инвективами, а служат для более точной идентификации «кандидата» на изгнание. Например, автор одной из надписей предлагает изгнать «фесмофета Евхариды, сына Евхара» (440-е гг. до н.э.), называя, таким образом, должность упоминаемого здесь гражданина. Вновь встречающийся нам Менон назван исполнявшим должность архонта (ὄς ἤρξεν). Наверное, также идентификационной, а не инвективной цели служили такие приписки на остраконах Мегакла, сына Гиппократы (уже отмечалось, что его как-то особенно любили характеризовать на острака), как ἰπποτρόφος («содержащий коней»), ἰππότης («конник»). В афинском полисе начала V в. до н.э. было несколько граждан по имени Мегакл, и все, как один, аристократы. Чтобы отличить упомянутого здесь Мегакла от его тезок, и был упомянут предмет его особенной гордости – упряжка лошадей, с которой он чуть позже победил на Пифийских

⁷³ Впрочем, по толкованию Ш. Бренне, это не обязательно «клеветник, сплетник» (основное значение данной лексемы в словарях), а вполне возможно – «колдун, чаровник».

⁷⁴ Brenne 2001, 209. При этом μέλας, кстати, не может не прийти в голову знаменитый «черный охотник» Пьера Видаля-Накэ, вечный юноша-эфеб... Известно, что Леагр в юности отличался редкой красотой, был предметом восхищения всех своих демотов – гончаров с Керамика, которые испещряли свои вазы надписями Λέαγρος καλός. Еще на одном остраконе имя Леагра, сына Главкона, написано так: Λέαγρος Γλύκωνος. Если это не описка, то перед нами очередная шутка, намек на «сладость» Леагра. Подробнее мы разбираем весь этот круг сюжетов в Суриков 2009.

⁷⁵ Brenne 2001, 214–216.

⁷⁶ Это чтение принадлежит А. Раубичеку, предположившему, что перед нами – строка из застольного сколия с порицаниями Аристиду: Raubitschek 1957.

играх. Интересно, что, по предложению кого-то из голосовавших, из Афин должны быть изгнаны Мегакл «и конь» (καὶ ἵππος) – вот опять шутка!

Заметим, впрочем: грань между простыми идентификациями и идентифицирующими прозвищами настолько стерта, что ее, можно сказать, как бы и нет совсем. Собственно, в одной из предыдущих статей данного цикла мы ведь уже и писали, что первичная причина и цель появления прозвищ в человеческих обществах – идентификационная. Конечно, для нас теперь многие из таких идентификаций уже «теряются во мраке». Так, например, скорее всего, мы никогда не узнаем, по какой причине известный стратег Клеиппид на остраконе (440-е гг. до н.э.) назван византийцем⁷⁷. Можно только гадать, с какими обстоятельствами его биографии это связано.

Заметим еще, что, помимо словесных приписок, на нескольких остраконах фигурируют сделанные голосовавшими рисунки, в основном карикатурного характера⁷⁸. В частности, на одном из черепков, направленных против Мегакла, сына Гиппократата, присутствует изображение всадника – вполне понятный сюжет, если учесть вышеупомянутую гиппотрофию, практиковавшуюся Мегаклом. На другом остраконе с его же именем нарисована нижняя часть лежащего тела мертвого человека: писавший желал Мегаклу смерти или в аллегорической форме намекал на его изгнание. Еще на одном остраконе Мегакла – рисунок лисы; скорее всего, это намек на его дем – Алопеку (ἄλωπηξ – лисица). А на совсем недавно опубликованном «бюллетене» против того же лица – мастерски нарисованная сова, точь-в-точь такая же, как на афинских монетах. Ш. Бренне справедливо замечает, что сова являлась в Афинах чем-то вроде герба или государственной печати; рисуя ее на остраконе, голосующий хотел таким образом придать этому документу официальную силу⁷⁹. На остраконе против афинянина, чье имя не сохранилось, изображена мужская голова в профиль, с длинными волосами, что является несомненным признаком аристократической принадлежности изображенного. Каллий, сын Кратия («Мидянин») изображается на карикатуре, как и следовало ожидать, в персидском платье: в штанах, тиаре, с луком в руках. Один из черепков-«бюллетеней» Калликсена, сына Аристонима, из рода Алкмеонидов, буквально покрыт изображениями. Помимо портрета самого «кандидата» (голова бородатого мужчины в венке), на нем имеется также рисунок ветви. Это почти несомненно гикетерия – ветвь, которую держали в руках молящие о защите и убежище: Калликсену припоминают «Килонову скверну», родовое проклятие Алкмеонидов, перебивших в 636 г. до н.э. мятежников, укрывавшихся в святилище на Акрополе. Наконец, есть на черепке еще и изображение рыбы. П. Бикнелл идентифицирует эту рыбу как триглу (mullus barbatus), которая считалась в античности самым прожорливым из морских животных, не брезговавшим даже падалью⁸⁰. Калликсен (а, может быть, и все Алкмеониды), таким образом, обвиняется здесь во «всеядности», беспринципности.

⁷⁷ Brenne 2002, 93.

⁷⁸ Наиболее полная сводка рисунков на острака: Brenne 2002, 141–148.

⁷⁹ Brenne 2002, 145.

⁸⁰ Bicknell 1974b.

* * *

Итак, даже невооруженным взглядом можно заметить, что афинские остраконы дают интересный и полезный материал, относящийся к рассматриваемой здесь тематике. В надписях на острака, безусловно, содержатся прозвища и в не-малом количестве.

Пока все эти данные приведены в несколько хаотичной форме. Насушно необходима их тщательная систематизация (по таким категориям, как прозвища нейтральные, позитивные, негативные и прозвища устойчивые, ситуативные, вторичные). Таковую систематизацию мы обязательно осуществим в следующей статье нашего цикла.

ЛИТЕРАТУРА

- Вейсман, А.Д. 1991: *Греческо-русский словарь: Репринт V-го издания 1899 г.* М.
- Евдокимов, П.А. 2016: Цари доэллинистического Кипра: между богами и людьми, между бронзой и железом, на перекрестке Востока и Запада. В кн.: С.Ю. Сапрыкин, И.А. Ладынин (отв. ред.), *«Боги среди людей»: культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире.* М.–СПб, 76–118.
- Жестоканов, С.М. 2014: *Ранняя греческая тирания: Хрестоматия.* СПб.
- Зельин, К.К. 1962: Олимпионики и тираны. *ВДИ* 4, 21–29.
- Карпюк, С.Г. 2012: Персидская роскошь в демократических Афинах. *ВДИ* 3 (282), 58–67.
- Печатнова, Л.Г. 2007: *Спартанские цари.* М.
- Плутарх 1990: *Застольные беседы.* Л.
- Рунг, Э.В. 2000: Эпиликов мирный договор. *ВДИ* 3, 85–96.
- Суриков, И.Е. 2000а: Два очерка об афинской внешней политике классической эпохи. В кн.: О.Л. Габелко (отв. ред.), *Межгосударственные отношения и дипломатия в античности.* Ч. 1. Казань, 95–112.
- Суриков, И.Е. 2000б: *Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох.* М.
- Суриков, И.Е. 2001: Политическая борьба в Афинах в начале V в. до н.э. и первые остракофории. *ВДИ* 2, 118–130.
- Суриков, И.Е. 2003: Остракон Мегакла, Алкмеониды и Эретрия (Эпиграфическое свидетельство о внешних связях афинской аристократии). *ВДИ* 2, 16–25.
- Суриков, И.Е. 2005: *Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика.* М.
- Суриков, И.Е. 2006: *Остракизм в Афинах.* М.
- Суриков, И.Е. 2008: *Античная Греция: политики в контексте эпохи. Время расцвета демократии.* М.
- Суриков, И.Е. 2009: Новые наблюдения в связи с ономастико-просопографическим материалом афинских остраконов. *ВЭ* 3, 102–127.
- Суриков, И.Е. 2013б: На периферии великих цивилизаций Востока: античные греки как варвары. В сб.: В.П. Буданова, О.В. Воробьева (ред.), *Цивилизация и варварство.* 2, 42–64.
- Суриков, И.Е. 2015а: *Античная Греция: ментальность, религия, культура.* М.
- Суриков, И.Е. 2015б: Патриотизм афинских лаконофилов: специфика и коллизии. В кн.: Э.В. Рунг, Е.А. Чиглинцев, Д.В. Шмелев (ред.), *Патриотизм и коллаборационизм в мировой истории.* Казань, 9–31.
- Суриков, И.Е. 2016: Предпосылки становления культа правителей в доэллинистической Греции. В кн.: С.Ю. Сапрыкин, И.А. Ладынин (отв. ред.), *«Боги среди людей»: культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире.* М.–СПб, 34–75.

- Суриков, И.Е. 2017а: Прозвища у греков архаической и классической эпох. I. Предварительные соображения общетеоретического характера. *ПИФК* 1, 19–34.
- Суриков, И.Е. 2017б: Прозвища у греков архаической и классической эпох. II. У истоков феномена. *ПИФК* 3, 5–26.
- Суриков, И.Е. 2017в: «Невероятные приключения европейцев в Азии» (знаменитые афиняне VI–V вв. до н.э. на территории Ахеменидской державы). В кн.: О.Л. Габелко, Э.В. Рунг, А.А. Сеницын, Е.В. Смыков (ред.), *Iranica: Иранские империи и греко-римский мир в VI в. до н.э. – VI в. н.э.* Казань, 181–213.
- Berti, M. 1999: Note storiche e prosopografiche agli ostraka di Μυρωνίδης Φλυεύς dal *Keramēikós* di Atene. *Minima epigraphica et papyrologica* 2, 77–109.
- Berve, H. 1967a: *Die Tyrannis bei den Griechen. Bd. 1: Darstellung.* München.
- Berve, H. 1967b: *Die Tyrannis bei den Griechen. Bd. 2. Anmerkungen.* München.
- Bicknell, P.J. 1974a: Athenian Politics and Genealogy: Some Pendants. *Historia* 23, 2, 146–163.
- Bicknell, P.J. 1974b: Agora Ostrakon P 7103. *L'Antiquité classique* 43, 334–337.
- Bicknell, P.J. 1986: Agasias the Donkey. *ZPE* 62, 183–184.
- Bourriot, F. 1976: *Recherches sur la nature du genos: Étude d'histoire sociale athénienne. Periodes archaïque et classique.* Lille–Paris.
- Bradford, A.S. 2011: *Leonidas and the Kings of Sparta: Mightiest Warriors, Fairest Kingdom.* Santa Barbara.
- Brenne, S. 1992: “Portraits” auf Ostraka. *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung* 107, 161–185.
- Brenne, S. 1994: Ostraka and the Process of Ostrakophoria. In: W.D.E. Coulson, O Palagia, T.L. Shear, H.A. Shapiro (eds.), *The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy.* Oxford, 13–24.
- Brenne, S. 2001: *Ostrakismos und Prominenz in Athen: Attische Bürger des 5. Jhs. v.Chr. auf den Ostraka.* Wien.
- Brenne, S. 2002: Die Ostraka (487 – ca. 416 v. Chr.) als Testimonien. In: P. Siewert (hg.), *Ostrakismos-Testimonien I: Die Zeugnisse antiker Autoren, der Inschriften und Ostraka über das athenische Scherbengericht aus vorhellenistischer Zeit (487–322 v. Chr.).* Stuttgart, 36–166.
- Davies, J.K. 1971: *Athenian Propertied Families 600–300 B.C.* Oxford.
- Degani, E. 1991: Aristofane e la tradizione dell'invettiva personale in Grecia. *Entretiens sur l'antiquité classique* 38, 1–49.
- Finley, M.I. 1983: *Politics in the Ancient World.* Cambridge.
- Harding, P. 1977: Atthis and Politeia. *Historia* 26, 2, 148–160.
- Harman, R. 2012: A Spectacle of Greekness: Panhellenism and the Visual in Xenophon's *Agesilaus*. In: F. Hobden, C. Tuplin (eds.), *Xenophon: Ethical Principles and Historical Enquiry.* Leiden–Boston, 427–453.
- Harvey, F.D. 1966: Literacy in the Athenian Democracy. *Revue des études grecques* 79, 585–635.
- Hoff, M. 2005: Athens Honors Pompey the Great. In: L. de Blois, J. Bons, T. Kessels, D.M. Schenkeveld (eds.), *The Statesman in Plutarch's Works: Proceedings of the Sixth International Conference of the International Plutarch Society. Vol. 2. The Statesman in Plutarch's Greek and Roman Lives.* Leiden – Boston, 327–336.
- Hornblower, S. 1992: *A Commentary on Thucydides. Vol. 1.* Oxford.
- Jeffery, L.H. 1963: *The Local Scripts of Archaic Greece: A Study of the Origin of the Greek Alphabet and its Development from the Eighth to the Fifth Centuries B.C.* Oxford.
- Kõiv, M. 2003: *Ancient Tradition and Early Greek History: The Origins of States in Early-Archaic Sparta, Argos and Corinth.* Tallinn.
- Lang, M. 1990: *Ostraka (The Athenian Agora. Vol. 25).* Princeton.

- Lavelle, B.M. 2005: *Fame, Money, and Power: The Rise of Peisistratos and "Democratic" Tyranny at Athens*. Ann Arbor.
- Lewis, D.M. 1974: The Kerameikos Ostraka. *ZPE* 14, 1–4.
- Littman, R.J. 1990: *Kinship and Politics in Athens 600–400 B.C.* New York.
- Mattingly, H.B. 1971: Facts and Artifacts: The Researcher and his Tools. *The University of Leeds Review* 14, 2, 277–297.
- Miller, M.C. 1997: *Athens and Persia in the Fifth Century B.C.: A Study in Cultural Receptions*. Cambridge.
- Moretti, L. 1957: *Olympionikai, i vincitori negli antichi agoni Olimpici*. Rome.
- Parke, H.W. 1967: *The Oracles of Zeus: Dodona, Olympia, Ammon*. Cambridge Mass.
- Peek, W. 1941: *Inschriften, Ostraka, Fluchtafeln (Kerameikos. Bd. 3)*. Berlin.
- Picard, Ch. 1930: Le "présage" de Cléoménès (507 av.J.-C.) et la divination sur l'Acropole d'Athènes. *Revue des études grecques* 43, 262–278.
- Powell, B.B. 1991: *Homer and the Origin of the Greek Alphabet*. Cambridge.
- Raubitschek, A.E. 1957: Das Datislied. In: K. Schauenburg (Hg.), *Charites: Studien zur Altertumswissenschaft*. Bonn, 234–242.
- Raubitschek, A.E. 1994: Megakles, geh nicht nach Eretria! *ZPE* 100, 381–382.
- Rhodes, P.J. 1981: *A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia*. Oxford.
- Samons, L.J. 1998: Kimon, Kallias and Peace with Persia. *Historia* 47, 2, 129–140.
- Samons, L.J. 2017: Herodotus on the Kimonids: Peisistratid Allies in Sixth-Century Athens. *Historia* 66, 1, 21–44.
- Schachermeyr, F. 1966: *Die frühe Klassik der Griechen*. Stuttgart.
- Schwarze, J. 1971: *Die Beurteilung des Perikles durch die attische Komödie und ihre historische und historiographische Bedeutung*. München.
- Shapiro, H.A. 1982: Kallias Kratiou Alopekethen. *Hesperia* 51, 1, 69–73.
- Shapiro, H.A. 1994: Religion and Politics in Democratic Athens. In: W.D.E. Coulson, O. Palagia, T.L. Shear, H.A. Shapiro (eds.), *The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy*. Oxford, 123–129.
- Siewert, P. 1991: Accuse contro i "candidati" all'ostracismo per la loro condotta politica e morale. *Contributi dell'Istituto di storia antica (Milano)* 17, 3–14.
- Snodgrass, A.M. 2001: Pausanias and the Chest of Kypselos. In: S.E. Alcock, J.F. Cherry, J. Elsner (eds.), *Pausanias: Travel and Memory in Roman Greece*. Oxford, 127–141.
- Stamires, G.A., Vanderpool, E. 1950: Kallixenos the Alkmeonid. *Hesperia* 19, 4, 376–390.
- Stark, I. 2002: Athenische Politiker und Strategen als Feiglinge, Beiträger und Klaffärsche. Die Wannung vor politischer Devianz und das Spiel mit den Namen prominenter Zeitgenossen. In: A. Ercoloni (Hg.), *Spoudaiogeloion: Form und Funktion der Verspottung in der aristophanischen Komödie*. Stuttgart–Weimar, 147–167.
- Stein-Hölkeskamp, E. 1989: *Adelskultur und Polisgesellschaft: Studien zum griechischen Adel in archaischen und klassischen Zeit*. Stuttgart.
- Storey, I. 1998: Poets, Politicians and Perverts: Personal Humour in Aristophanes. *Classics Ireland* 5, 85–134.
- Strauss, B.S. 1986: *Athens after the Peloponnesian War*. Croom Helm.
- Surikov, I.E. 2004: Athenian Nobles and the Olympic Games. *Mésogeios* 2004, 24, 185–208.
- Surikov, I.E. 2012: Herodotus's *Histories* and Athenian Aristocratic Families. In: B. Aleksejeva, O. Lāms, I. Rūmniece (eds.), *Hellenic Dimension: Materials of the Riga 3rd International Conference on Hellenic Studies*. Riga, 30–39.
- Surikov, I.E. 2013a: Herodotus and the Philaids. In: A. Mehl, A.V. Makhlayuk, O. Gabelko (eds.), *Ruthenia Classica Aetatis Novae: A Collection of Works by Russian Scholars in Ancient Greek and Roman History*. Stuttgart, 45–70.

- Whitehead, D. 1993: 1–41, 42–69: A Tale of Two *Politeiai*. In: M. Piérart (ed.), *Aristote et Athènes*. Paris, 25–38.
- Willemsen, F. 1965: Ostraka. *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung* 80, 100–126.

REFERENCES

- Berti, M. 1999: Note storiche e prosopografiche agli *ostraka* di Μυρωνίδης Φλυεύς dal *Keramēikós* di Atene. *Minima epigraphica et papyrologica* 2, 77–109.
- Berve, H. 1967a: *Die Tyrannis bei den Griechen*. Bd. 1. *Darstellung*. München.
- Berve, H. 1967b: *Die Tyrannis bei den Griechen*. Bd. 2. *Anmerkungen*. München.
- Bicknell, P.J. 1974a: Athenian Politics and Genealogy: Some Pendants. *Historia* 23, 2, 146–163.
- Bicknell, P.J. 1974b: Agora Ostrakon P 7103. *L'Antiquité classique* 43, 334–337.
- Bicknell, P.J. 1986: Agasias the Donkey. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 62, 183–184.
- Bourriot, F. 1976: *Recherches sur la nature du genos: Étude d'histoire sociale athénienne. Périodes archaïque et classique*. Lille–Paris.
- Bradford, A.S. 2011: *Leonidas and the Kings of Sparta: Mightiest Warriors, Fairest Kingdom*. Santa Barbara.
- Brenne, S. 1992: “Portraits” auf Ostraka. *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung* 107, 161–185.
- Brenne, S. 1994: Ostraka and the Process of Ostrakophoria. In: W.D.E. Coulson, O. Palagia, T.L. Shear, H.A. Shapiro (eds.), *The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy*. Oxford, 13–24.
- Brenne, S. 2001: *Ostrakismos und Prominenz in Athen: Attische Bürger des 5. Jhs. v.Chr. auf den Ostraka*. Wien.
- Brenne, S. 2002: Die Ostraka (487 – ca. 416 v. Chr.) als Testimonien. In: P. Siewert (Hg.), *Ostrakismos-Testimonien I: Die Zeugnisse antiker Autoren, der Inschriften und Ostraka über das athenische Scherbengericht aus vorhellenistischer Zeit (487–322 v. Chr.)*. Stuttgart, 36–166.
- Davies, J.K. 1971: *Athenian Propertied Families 600–300 B.C.* Oxford.
- Degani, E. 1991: Aristofane e la tradizione dell’invettiva personale in Grecia. *Entretiens sur l'antiquité classique* 38, 1–49.
- Evdokimov, P.A. 2016: Tsari doellinisticheskogo Kipra: mezhdou bogami i lyud'mi, mezhdou bronzoy i zhelezom, na perekrestke Vostoka i Zapada [Kings of pre-Hellenistic Cyprus: between gods and people, between bronze and iron, on a crossroad of East and West]. In: S.Yu. Saprykin, I.A. Ladynin (eds.), *“Bogi sredi lyudey”: kul't praviteley v ellinisticheskoy, postellenisticheskoy i rimskoy mire* [“Gods among people”: The cult of rulers in Hellenistic, post-Hellenistic and Roman world]. Moscow–Saint Petersburg, 76–118.
- Finley, M.I. 1983: *Politics in the Ancient World*. Cambridge.
- Harding, P. 1977: Atthis and Politeia. *Historia* 26, 2, 148–160.
- Harman, R. 2012: A Spectacle of Greekness: Panhellenism and the Visual in Xenophon’s *Agessilaus*. In: F. Hobden, C. Tuplin (eds.), *Xenophon: Ethical Principles and Historical Enquiry*. Leiden–Boston, 427–453.
- Harvey, F.D. 1966: Literacy in the Athenian Democracy. *Revue des études grecques* 79, 585–635.
- Hoff, M. 2005: Athens Honors Pompey the Great. In: L. de Blois, J. Bons, T. Kessels, D.M. Schenkeveld (eds.), *The Statesman in Plutarch's Works: Proceedings of the Sixth International Conference of the International Plutarch Society*. Vol. 2. *The Statesman in Plutarch's Greek and Roman Lives*. Leiden–Boston, 327–336.
- Hornblower, S. 1992: *A Commentary on Thucydides*. Vol. 1. Oxford.

- Jeffery, L.H. 1963: *The Local Scripts of Archaic Greece: A Study of the Origin of the Greek Alphabet and its Development from the Eighth to the Fifth Centuries B.C.* Oxford.
- Karpyuk, S.G. 2012: Persidskaya roskosh' v demokraticeskikh Afinakh [Persian luxury in democratic Athens]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of ancient history] 3, 58–67.
- Kōiv, M. 2003: *Ancient Tradition and Early Greek History: The Origins of States in Early-Archaic Sparta, Argos and Corinth.* Tallinn.
- Lang, M. 1990: *Ostraka (The Athenian Agora. Vol. 25).* Princeton.
- Lavelle, B.M. 2005: *Fame, Money, and Power: The Rise of Peisistratos and "Democratic" Tyranny at Athens.* Ann Arbor.
- Lewis, D.M. 1974: The Kerameikos Ostraka. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 14, 1–4.
- Littman, R.J. 1990: *Kinship and Politics in Athens 600–400 B.C.* New York.
- Mattingly, H.B. 1971: Facts and Artifacts: The Researcher and his Tools. *The University of Leeds Review* 14, 2, 277–297.
- Miller, M.C. 1997: *Athens and Persia in the Fifth Century B.C.: A Study in Cultural Receptions.* Cambridge.
- Moretti, L. 1957: *Olympionikai, i vincitori negli antichi agoni Olimpici.* Roma.
- Parke, H.W. 1967: *The Oracles of Zeus: Dodona, Olympia, Ammon.* Cambridge Mass.
- Pechatnova, L.G. 2007: *Spartanskije tsari* [Spartan kings]. Moscow.
- Peek, W. 1941: *Inschriften, Ostraka, Fluchtafeln* (Kerameikos. Bd. 3). Berlin.
- Picard, Ch. 1930: Le "présage" de Cléoménès (507 av.J.-C.) et la divination sur l'Acropole d'Athènes. *Revue des études grecques* 43, 262–278.
- Plutarch 1990: *Zastol'nye besedy* [Table talkings]. Leningrad.
- Powell, B.B. 1991: *Homer and the Origin of the Greek Alphabet.* Cambridge.
- Raubitschek, A.E. 1957: Das Datislied. In: K. Schauenburg (Hg.), *Charites: Studien zur Altertumswissenschaft.* Bonn, 234–242.
- Raubitschek, A.E. 1994: Megakles, geh nicht nach Eretria! *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 100, 381–382.
- Rhodes, P.J. 1981: *A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia.* Oxford.
- Rung, E.V. 2000: Epilikov mirnyy dogovor [Epilycus' peace treaty]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of ancient history] 3 (234), 85–96.
- Samons, L.J. 1998: Kimon, Kallias and Peace with Persia. *Historia* 47, 2, 129–140.
- Samons, L.J. 2017: Herodotus on the Kimonids: Peisistratid Allies in Sixth-Century Athens. *Historia* 66, 1, 21–44.
- Schachermeyr, F. 1966: *Die frühe Klassik der Griechen.* Stuttgart.
- Schwarze, J. 1971: *Die Beurteilung des Perikles durch die attische Komödie und ihre historische und historiographische Bedeutung.* München.
- Shapiro, H.A. 1982: Kallias Kratiou Alopekethen. *Hesperia* 51, 1, 69–73.
- Shapiro, H.A. 1994: Religion and Politics in Democratic Athens. In: W.D.E. Coulson, O. Palagia, T.L. Shear, H.A. Shapiro (eds.), *The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy.* Oxford, 123–129.
- Siewert, P. 1991: Accuse contro i "candidati" all'ostracismo per la loro condotta politica e morale. *Contributi dell'Istituto di storia antica (Milano)* 17, 3–14.
- Snodgrass, A.M. 2001: Pausanias and the Chest of Kypselos. In: S.E. Alcock, J.F. Cherry, J. Elsner (eds.), *Pausanias: Travel and Memory in Roman Greece.* Oxford, 127–141.
- Stamires, G.A., Vanderpool, E. 1950: Kallixenos the Alkmeonid. *Hesperia* 19, 4, 376–390.
- Stark, I. 2002: Athenische Politiker und Strategen als Feiglinge, Beiträger und Klaffärsche. Die Wannung vor politischer Devianz und das Spiel mit den Namen prominenter Zeitgenossen. In: A. Ercoloni (Hg.), *Spoudaiogeloion: Form und Funktion der Verspottung in der aristophanischen Komödie.* Stuttgart–Weimar, 147–167.

- Stein-Hölkeskamp, E. 1989: *Adelskultur und Polisgesellschaft: Studien zum griechischen Adel in archaischen und klassischen Zeit*. Stuttgart.
- Storey, I. 1998: Poets, Politicians and Perverts: Personal Humour in Aristophanes. *Classics Ireland* 5, 85–134.
- Strauss, B.S. 1986: *Athens after the Peloponnesian War*. Croom Helm.
- Surikov, I.E. 2000a: Dva ocherka ob afinskoj vneshney politike klassicheskoy epokhi [Two notes on the Classical Athens' foreign policy]. In: O.L. Gabelko (ed.), *Mezhgosudarstvennye otnosheniya i diplomatiya v antichnosti. Ch. 1 [Interstate relations and diplomacy in antiquity, Pt. 1]*. Kazan, 95–112.
- Surikov, I.E. 2000b: *Iz istorii grecheskoy aristokratii pozdnearkhaicheskoy i ranneklassicheskoy epokh [From the history of Greek aristocracy in Late Archaic and Early Classical periods]*. Moscow.
- Surikov, I.E. 2001: Politicheskaya bor'ba v Afinakh v nachale V v. do n.e. i pervye ostrakoforii [Political struggle in Athens in early 5th c. BC and the first ostrakophories]. *Vestnik drevney istorii [Journal of ancient history]* 2, 118–130.
- Surikov, I.E. 2003: Ostrakon Megakla, Alkmeonidy i Eretriya (Epigraficheskoye svidetel'stvo o vneshnikh svyazyakh afinskoj aristokratii) [Megacles' ostrakon, the Alcmaeonidae and Eretria (An epigraphical evidence for foreign relations of Athenian aristocracy)]. *Vestnik drevney istorii [Journal of ancient history]* 2, 16–25.
- Surikov, I.E. 2004: Athenian Nobles and the Olympic Games. *Mésogeios* 2004, 24, 185–208.
- Surikov, I.E. 2005: *Antichnaya Gretsija: Politiki v kontekste epokhi. Arkhaika i rannyya klasika [Ancient Greece: Politicians in the context of the epoch. Archaic and Early Classical periods]*. Moscow.
- Surikov, I.E. 2006: *Ostrakizm v Afinakh [Ostracism in Athens]*. Moscow.
- Surikov, I.E. 2008: *Antichnaya Gretsija: Politiki v kontekste epokhi. Vremya rastsveta demokratsii [Ancient Greece: Politicians in the context of the epoch. The Heyday of Democracy]*. Moscow.
- Surikov, I.E. 2009: Novye nabl'yudeniya v svyazi s onomastiko-prosopographicheskim materialom afinskikh ostrakonov [New observations on the onomastical and prosopographic information of the Athenian ostraka]. *Voprosy epigraphiki [Questions of epigraphic]* 3, 102–127.
- Surikov, I.E. 2012: Herodotus's *Histories* and Athenian Aristocratic Families. In: B. Aleksejeva, O. Läms, I. Rūmniece (eds.), *Hellenic Dimension: Materials of the Riga 3rd International Conference on Hellenic Studies*. Riga, 30–39.
- Surikov, I.E. 2013a: Herodotus and the Philaids. In: A. Mehl, A.V. Makhlayuk, O. Gabelko (eds.), *Ruthenia Classica Aetatis Novae: A Collection of Works by Russian Scholars in Ancient Greek and Roman History*. Stuttgart, 45–70.
- Surikov, I.E. 2013b: Na periferii velikikh tsivilizatsiy Vostoka: antichnye greki kak varvary [At the periphery of great Eastern civilizations: Ancient Greeks as barbarians]. *Tsivilizatsiya i varvarstvo [Civilisation and barbarity]* 2, 42–64.
- Surikov, I.E. 2015a: *Antichnaya Gretsija: mental'nost', religiya, kultura [Ancient Greece: Mentality, religion, culture]*. Moscow.
- Surikov, I.E. 2015b: Patriotizm afinskikh lakonofilov: spetsifika i kollizii [Patriotism of Athenian Laconophiles: Specifics and collisions]. In: E.V. Rung, E.A. Chiglintsev, D.V. Shmelev (eds.), *Patriotizm i kollaboratsionizm v mirovoy istorii [Patriotism and collaborationism in the world history]*. Kazan, 9–31.
- Surikov, I.E. 2016: Predposylki stanovleniya kul'ta praviteley v doellinisticheskoy Gretsii [Premises of the emergence of rulers' cult in pre-Hellenistic Greece]. In: S.Yu. Saprykin, I.A. Ladynin (eds.), *"Bogi sredi lyudey": kul't praviteley v ellinisticheskoy, postellenisticheskoy i rimskom mire [“Gods among people”: The cult of rulers in Hellenistic, post-Hellenistic and Roman world]*. Moscow–Saint Petersburg, 34–75.

- Surikov, I.E. 2017a: Prozvishcha u grekov arkhaischeskoy i klassicheskoy epokh. I. Predvaritel'nye soobrazheniya obshcheteoreticheskogo kharaktera [Nicknames among Greeks of the Archaic and Classical periods: I. Preliminary thoughts of general theoretical character]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of historical, philological and cultural studies] 1, 19–34.
- Surikov, I.E. 2017b: Prozvishcha u grekov arkhaischeskoy i klassicheskoy epokh. II. U istokov fenomena [Nicknames among Greeks of the Archaic and Classical periods: II. On the origins of the phenomenon]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of historical, philological and cultural studies] 3, 5–26.
- Surikov, I.E. 2017v: “Neveroyatnye priklyucheniya evropeytsev v Azii” (znamenitye affinyane VI–V vv. do n.e. na territorii Akhemenidskoy derzhavy [Famous Athenians of the sixth and fifth centuries BC in the territory of the Achaemenid Empire]. In: O.L. Gabelko, E.V. Rung, A.A. Sinitsyn, E.V. Smykov (eds), *Iranica: Iranskie imperii i greko-rimskiy mir v VI v. do n.e. –VI v. n.e.* [Iranica: Iranian empires and the Greco-Roman world from the 6th century BC to the 5th century AD]. Kazan, 181–213.
- Veisman, A.D. 1991: *Grechesko-russkiy slovar'*: Reprint V-go izdaniya 1899 g. [A Greek-Russian lexicon: A reprint of the 5th edition, 1899]. Moscow.
- Whitehead, D. 1993: 1–41, 42–69: A Tale of Two *Politeiai*. In: M. Piérart (ed.), *Aristote et Athènes*. Paris, 25–38.
- Willemsen, F. 1965: Ostraka. *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung* 80, 100–126.
- Zel'in, K.K. 1962: Olimpioniki i tirany [Olympionics and tyrants]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of ancient history] 4, 21–29.
- Zhestokanov, S.M. 2014: *Rannyyaya grecheskaya tiraniya: Khrestomatiya* [Early Greek tyranny: A chrestomathy]. Saint Petersburg.

NICKNAMES AMONG THE GREEKS: GREEKS' NICKNAMES OF THE ARCHAIC AND CLASSICAL PERIODS: III. NICKNAMES OF ARCHAIC AND EARLY CLASSICAL POLITICIANS

Igor E. Surikov

Institute of World History of RAS, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
isurikov@mail.rutate

Abstract. The article, after some general observations of typology of nicknames, deals at first with evidenced by sources nicknames of rulers (mainly tyrants) of the period in question; it appears that relevant material is scanty enough. Then the author turns to nicknames of political leaders in the republican poleis; naturally, in Athens their number is the biggest one. As to nicknames of Athenian politicians, they are, surely, mentioned in narrative sources; but a real treasure trove in this respect turns out to be *ostraka* for ostracism. Their data about nicknames need urgently a thorough research.

Keywords: Archaic and Classical Greece, nicknames, types of nicknames, Athens, politicians, tyrants, *ostraka*, and ostracism
